

*Рис. 1. Первое издание «Западно-восточного дивана»
Иоганна Вольфганга фон Гете (1819 г.)*

Глава VI

КОРАН В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

*Когда-то, цитируя слово Корана,
Умели назвать и суру, и стих,
Любой мусульманин, молясь неустанно,
Был совестью чист и чтим меж своих.
У новых дервишей — больше ли знаний?
О старом, о новом кричат вперевой.
А мы что ни день, то больше в тумане,
О, вечный Коран! О, блаженный покой!*

Иоганн Вольфганг фон Гёте
Западно-восточный диван (1819–1827)

В одном из прекраснейших римских парков Вилла Боргезе в ряду памятников выдающимся поэтам и писателям разных стран рядом стоят Пушкин и Гёте. Я очень хорошо помню, как осенью 2007 г. сидел в кабинете своего доброго старшего друга, выдающегося итальянского исламоведа и арабиста Серджио Нойи на его вилле в маленьком городке Леса на севере Италии. Это был фантастический человек: сын генерала авиации, сражавшегося против советских летчиков в небе Испании, двенадцатилетним мальчишкой стал учить русский язык, чтобы помогать советским военнопленным из лагеря, который был расположен неподалеку. Четырнадцатилетним подростком он сбежал из дома и, добавив себе несколько лет, записался добровольцем в английскую армию, которая тогда освобождала Италию от нацистов. Сделал успешную бизнес-карьеру, продолжая преподавать в Миланском университете. Благодаря его бизнес- и политическим связям ему удалось получить в свое распоряжение копии рукописей древнейших

списков Корана и начать большую международную программу по их изучению и изданию.

Тогда я приехал в Италию, чтобы снять фильм о нем и о самом раннем европейском издании Корана, к обнаружению которого он был причастен. Мы отлично поработали, и Серджио, взяв какую-то книгу с полки, пригласил меня выйти с ним в сад, смотревший на Лаго-Маджоре совсем неподалеку от того места, где герой романа «Прощай, оружие» переправлялся с любимой в Швейцарию. Мы смотрели на затухающий закат над озером, когда Серджио, открыв взятый с собой томик, который оказался самым первым изданием «Западно-восточного дивана», стал читать (рис. 1), сначала по-немецки:

Talisman in Karneol,
Gläubgen bringt er Glück und Wohl;
Steht er gar auf Onyx' Grunde,
Küß ihn, mit geweihtem Munde!
Alles übel treibt er fort,
Schützet dich und schützt den Ort:
Wenn das eingegrabne Wort
Allahs Namen rein verkündet,
Dich zu Lieb und Tat entzündet.
Und besonders werden Frauen
Sich am Talisman erbauen¹.

¹ И. В. Гете. *Благоподатели* (1819). Перевод В. В. Левика:

Сердоликовый талисман
Тем, кто верит, во благо дан.
Но касайся как святыни
Талисмана, что в рубине,
С ним ни хворь, ни слез, ни враг
Не разрушат твой очаг;
И когда в нем тайный знак,
Призывающий Аллаха,
В жизнь иль в бой иди без страха.
Талисман такой, нет спора,
Женщин главная опора.

А потом наизусть по-русски:

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман².

Через несколько месяцев, в январе 2008 г. профессор Серджио Нойя вышел из дома на почту. У самых ворот на пешеходном переходе его сбила машина, вывернувшая с шоссе на большой скорости.

* * *

Коран — памятник, занимающий центральное место в религиозно-философской системе, которая на протяжении четырнадцати веков играет важную роль в истории человечества. По существу, с момента своего возникновения он интерпретировался и изучался прежде всего в контексте противостоящих политико-идеологических и конфессиональных интересов, в условиях многовековой конфронтации христианского мира с миром ислама.

Идеологическая заданность изучения постоянно обуславливала выбор подхода к Священной книге ислама и характер ее истолкования. Вплоть до настоящего времени религиозная принадлежность автора того или иного исследования самым непосредственным образом сказывается на оценке Корана как историко-культурного памятника. За прошедшие века человечество пережило множество идеологических переворотов и культурных революций, сменяли друг друга массовые политические и религиозные движения, становились популярными и забывались философские концепции и школы, изменялись культурные ориентиры и приоритеты. Все это так или иначе находило свое выражение в изменении отношения к Корану. В наибольшей степени основные этапы истории изучения Корана в Европе, эволюция методики исследования и понимания этого памятника находят свое отражение в истории его изданий и переводов.

² А. С. Пушкин. *Наброски к ненаписанным «Подражаниям Корану»* (1825).

6.1. *Дар ал-харб*

Уже начиная со второй половины VII—VIII вв. ислам стал неотъемлемой частью истории народов как Западной, так и Восточной Европы (Испания, острова Средиземноморья, Балканы, мусульманский анклав в Прибалтике, Хазария, Волжская Булгария, часть золотоордынских земель, Северное Причерноморье, Крым, Северный Кавказ). Имеющиеся факты позволяют говорить о практически одновременном возникновении двух традиций изучения Корана — внутри- и внеисламской. Успех арабских завоеваний, знаменем которых был ислам, заставил христианских авторов обратиться к Священной книге мусульман, которая, естественно, рассматривалась как главный источник информации об исламе в целом. Христианские полемисты времен арабских завоеваний включали в свои сочинения доступные им сведения о Коране, переводы подлинных или изложение вымышленных цитат из него. С Кораном был знаком живший в Сирии и состоявший до пострига на службе у омеййадских халифов Иоанн Дамаскин (ум. 750). Он оставил первое дошедшее до нас полемическое сочинение, направленное против ислама. Вследствие умеренной политики, проводившейся при Омеййадах в отношении «людей Писания», и убеждения в глубоком превосходстве христианства над религией завоевателей-варваров полемика Иоанна Дамаскина не имела еще резкой политико-идеологической направленности. Считая ислам ересью, он оспаривал теологические «заблуждения» мусульман, которые в свою очередь обвиняли христиан в искажении Библии. В то же время обращенные в ислам представители покоренных арабами народов внесли в изучение и истолкование Корана свою научную традицию. Исследования Дж. Уонсборо еще раз убедительно подтвердили мнение о решающем во многих случаях влиянии иудео-христианской традиции на становление мусульманской экзегетики, хотя с его выводом о том, что Коран и раннемусульманская литература круга *сира* — *магази* являются «двумя версиями иудео-христианской полемики, приспособленной к арабскому языку и хиджазскому окружению»³, безусловно, нельзя согласиться.

³ J. Wansbrough. *Sectarian Milieu: Content and Composition of Islamic Salvation History* (Oxford, 1978), с. 45. См. также: он же. *Quranic Studies: Sources and Methods of Scriptural Interpretation* (Oxford, 1977).

Современные исследования показали, что в X в. в Византии существовал греческий перевод Корана, нижняя временная граница возникновения которого относится к началу IX в. Анализ текстов коранических цитат, сохранившихся в сочинениях византийских полемистов, позволяет предположить, что переводчик Корана на греческий язык был, по всей видимости, билингв арабского происхождения из латинских областей Империи.

Антимусульманские трактаты сирийских полемистов (например, яковитского епископа Дионисия бар Салиби (ум. 1171) включали подлинные или мнимые фрагменты Корана в переводе на сирийский язык.

Значительное число сохранившихся рукописей еврейско-арабских богословских сочинений, фрагментов рукописей Корана, выполненных еврейским письмом, иудейских полемических сочинений позволяет говорить о широком ознакомлении с Кораном и его изучении в иудейской среде.

Первые попытки перевода и изучения Корана в Западной Европе относятся к периоду, когда европейцы осознали в себе достаточно сил для противостояния исламскому миру, вызывавшему у них и страх, и зависть, и восхищение. Резкое увеличение числа переводов арабоязычных сочинений, последовавшее вскоре после захвата в 1085 г. Толедо христианами, отражало рост интереса европейцев к достижениям арабо-мусульманской культуры. Появились люди, способные осуществить эти переводы на уровне требований эпохи. Англичанин Роберт из Кеттона, впоследствии архидиакон Памплоны, и Херман Далматийский занимались в Испании переводом арабских сочинений по астрологии и метеорологии. Европа готовилась ко Второму крестовому походу, и около 1142 г. по указанию Петра Достопочтенного (1092–1156), аббата монастыря Ключи, они осуществили с помощью некоего «сарацина Магомета» первый перевод Корана на латинский язык. Созданная Петром Достопочтенным группа переводчиков, в которую вошли также Петр Толедский и Петр из Пуатье, перевела для него еще ряд сочинений (подборку хадисов, мусульманские предания о пророках, «Маса'ил 'Абдаллах б. Салам» — спор между Пророком и иудеем — и два полемических трактата). Основываясь главным образом на этих переводах, Петр Достопочтенный с позиций *ecclesia militans* («церкви

воинствующей») составил свод и опровержение мусульманского вероучения, которые наряду с трудом Педро де Альфонсо (ум. 1140) были первыми европейскими сочинениями об исламе. Они сыграли огромную роль в формировании представления об исламе в Европе.

Монастырь Ключи не случайно оказался местом первого латинского перевода Корана. В те времена он был одним из важнейших центров идеологического противостояния христианского мира исламу. Характер практически фронтовой атмосферы, в которой существовал монастырь, хорошо иллюстрирует факт захвата мусульманами в 972 г. главы монастыря на одном из альпийских перевалов. Только шестьдесят два года спустя победы христианских войск в Северной Африке позволили вернуть монастырю сумму выкупа, выплаченного мусульманам. В течение последующего столетия монахи Ключи немало сделали для сплочения христианских сил в борьбе с исламом. Однако справедливости ради надо отметить, что в труде Петра Достопочтенного можно найти и такие слова: «Я нападаю на вас не так, как часто это делают с помощью оружия, но с помощью слов, прибегая не к силе, а к разуму, не к ненависти, а к любви»⁴.

Второй латинский перевод Корана был осуществлен в 1209–1210 гг. Марком Толедским по заказу архиепископа Дона Родриго Хименеса де Рада (ок. 1170/80–1247). Заказ преследовал актуальные политические и миссионерские цели и помимо Корана включал перевод ряда сочинений Ибн Тумарта (ум. ок. 1128). В отличие от Роберта из Кеттона и его помощников, которые в соответствии со своими представлениями о характере работы переводчика стремились исправить «варварский», по их мнению, текст оригинала и из ста четырнадцати *сур* сделали сто двадцать четыре, Марк Толедский старался переводить буквально и в сложных случаях скорее оставлял перевод смутным, нежели дописывал текст от себя. Марк в своем переводе сохранил и названия *сур*, опущенные Робертом из Кеттона. В обширном введении, которое Марк Толедский предпослал своему труду, он ни разу не упоминает перевода своих предшественников, хотя и не мог не знать о нем. В этом, возможно, проявилось его неодобрение работы Роберта

⁴ J. Kritzeck. *Peter the Venerable and Islam* (Princeton, 1964), с. 231.

из Кеттона и Хермана Далматийского. Позднее соотечественник Роберта Хамфри Придо (1648–1700), оценивая качества этого перевода, писал, что часто «это лишь нелепый конспект подлинника <...> содержание которого представлено так ужасно, что вряд ли кто-либо сможет, читая перевод, понять, о чем говорится в оригинале»⁵. Неизвестно, был ли Марк Толедский обращен в христианство из ислама, однако он хорошо разбирался в предмете, о котором писал: легко цитировал Коран и *хадисы*, приводил мнения мусульманских авторитетов. Перевод Марка, превосходивший труд его предшественников, остался неизданным и долгое время не был оценен ни теологами, ни историками.

В эти годы ислам, как и мусульманские земли, во многом оставался *terra incognita* для христианской Европы. В целом раннелатинские переводы — это по существу пересказы, переложения текста, выполненные с главной целью — доказать несостоятельность претензий мусульман на обладание Священным писанием. При этом христианские «опровержения» часто основывались на ошибочном понимании текста.

Если христианские авторы активно использовали «дьявольский закон» и «учебник насилия» в антимусульманской полемике, то авторы мусульманские привлекали в полемических целях священные книги христиан. При этом, однако, уровень ознакомления мусульманских авторов с библейскими текстами был значительно выше уровня их оппонентов в изучении Корана. Священные книги христиан и иудеев — «людей Писания» — рассматривались в исламе как ниспосланные Богом, хотя и искаженные людьми, и были одним из источников толкования Корана. На протяжении многих веков мусульманские авторитеты опирались в своих сочинениях на труды предшественников, обращенных некогда в ислам из христианства и иудаизма, которые привнесли в мусульманскую теологию глубокое знание священных текстов своих прежних вероисповеданий. Принципиальное различие заключалось в том, что если для общественного

⁵ Цит. по: Р. М. Holt. “The treatment of Arab history by Prideux, Ockley and Sale”, *Historians of the Middle East*, eds. Bernard Lewis, Р. М. Holt (London — New York — Toronto, 1962), с. 293.

сознания христианской Европы было характерно неприятие ислама как такового, то для мусульман иудаизм и христианство — лишь ступени на пути человечества к истине, возвешенной Кораном.

Падение в 1453 г. Константинополя и резкое усиление турецкой опасности совпало с торжеством идей Ренессанса и ростом интереса к великой соседней культуре. Николай Кузанский (1401–1464) рекомендовал читать и изучать Коран, «чтобы открыть в нем скрытые евангельские истины»⁶. Его друг Хуан де Сеговия (1400–1458), францисканец-пацифист, избранный в 1440 г. антипапой, осуждал искажение образа ислама, основанное во многом на переводе Корана Роберта из Кеттона. В 1455 г. в монастыре Айтон в Савойе с помощью некоего *факиха* ‘Исы б. Джабира им была предпринята попытка осуществить перевод Корана на латинский и кастильский языки. Ставилась также задача выбрать из текста Корана места, которые могли бы быть приняты христианами. Так впервые была предложена идея христиано-мусульманского диалога.

Интерес к восточной мудрости и каббалистике, господствовавший среди итальянских гуманистов, в первую очередь среди последователей философа Пико дела Мирандоллы (1463–1494), чьи «Девятьсот тезисов» были осуждены папской курией, привел к созданию еще одного латинского перевода Корана. Его кардинал Эджио да Витербо, поклонник идей Пико, будучи в Испании в 1518 г., заказал некоему Иохану Габриэлю Терроленсису. Полагают, что ряд исправлений этого перевода принадлежит знаменитому Льву Африканскому. В Милане сохранилась лишь одна рукопись этого перевода, который так и остался неизданным.

Если эти переводы остались почти незамеченными, то труду Роберта из Кеттона и Хермана Далматийского была уготована поистине счастливая судьба. Дальнейшая история этого перевода связана с крупнейшими идейно-политическими и культурными движениями, охватившими Европу в XV–XVII вв. Им пользовались многие христианские философы, теологи и полемисты. И хотя

⁶ N. Rescher. “Nicholas of Cusa on the Qur’an: a Fifteenth Century Encounter with Islam”, *Muslim World* LV (1965), с. 195–202; L. Hagemann, *Der Kur’an in Veständis und Kritik bei Nicolaus von Kues* (Frankfurt/M., 1976).

такие выдающиеся европейские востоковеды, как Дж. Скалигер (1540–1609), Т. Эрпениус (1540–1624), А. Релан (1676–1718), обращали внимание на то, что этот перевод явно не отвечает своему назначению, его использовали больше шестиста лет.

6.2. Реформация и контрреформация

XV–XVII вв. — время Реформации и кровопролитных войн европейцев с Османской империей, которой в первой половине XVI в. удалось максимально расширить свои владения в Европе. Осада Вены потрясла европейцев едва ли не так же, как падение Константинополя в 1453 г. Образ сарацина сменился образом турка. Европейская торговля все более доминирует в Средиземноморье. На этом фоне было осуществлено первое европейское издание арабского текста Корана (Венеция, 1530), предпринятое с чисто коммерческими целями Паганини Бриксенсисом. Многочисленные ошибки, вызванные некомпетентностью издателей, вынудили их вскоре уничтожить тираж (рис. 2).

В этот период инициатива в полемической борьбе с исламом и в его изучении переходит к протестантским теологам и публицистам. Почти весь «Корпус Ключи» или «Толедский сборник» («Corpus Toletanum», «Collectio Toletana»), включая перевод Корана, а также еще целый ряд антиисламских полемических трактатов (в том числе «Cribatio Alcorani» Николая Кузанского) и историко-географических трудов о Турции были опубликованы Теодором Бухманом (Библиандером) (1504–1564) (рис. 3). Это своеобразная энциклопедия по исламу и Османской Турции вышла в 1543 г. в Базеле, для которого была характерна атмосфера религиозной и культурной терпимости. Публикация, однако, стала возможна лишь после личного вмешательства Мартина Лютера. Среди приложений к ней были эпистола папы Пия II (1458–1464) к турецкому султану Мехмеду II с призывом принять христианство, а также обращения Лютера и его сподвижника Филиппа Меланхтона.

Несмотря на безусловно полемический пафос издания Бухмана, сам он отмечал роль ислама в великом деле распространения единобожия среди язычников. Его взгляды характеризует посвящение

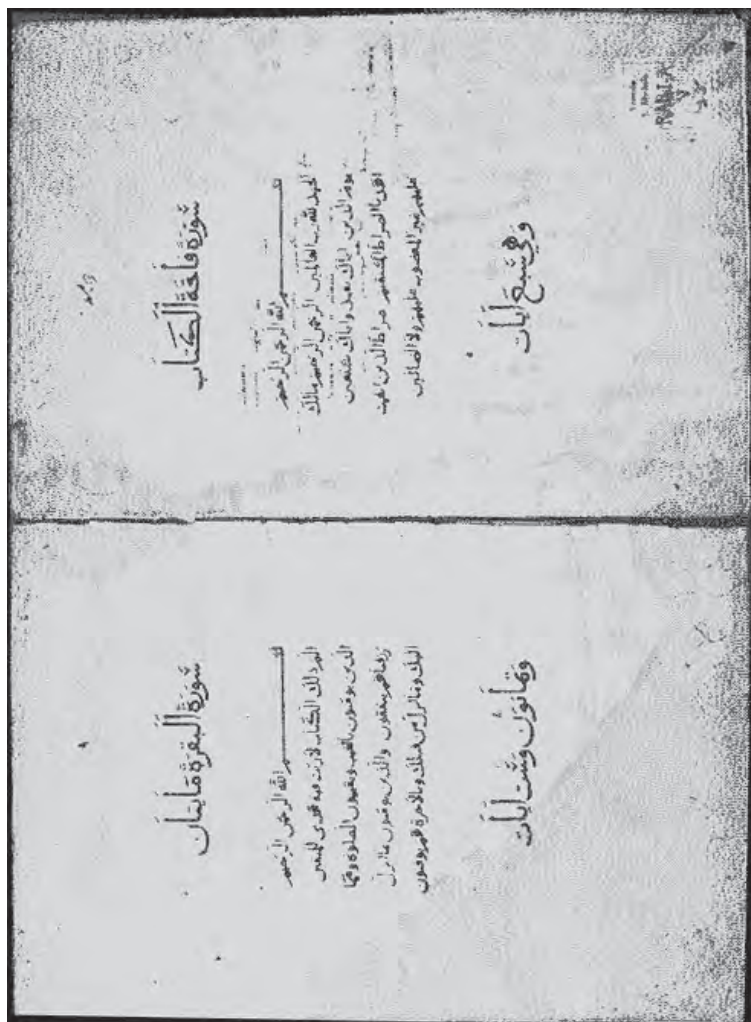
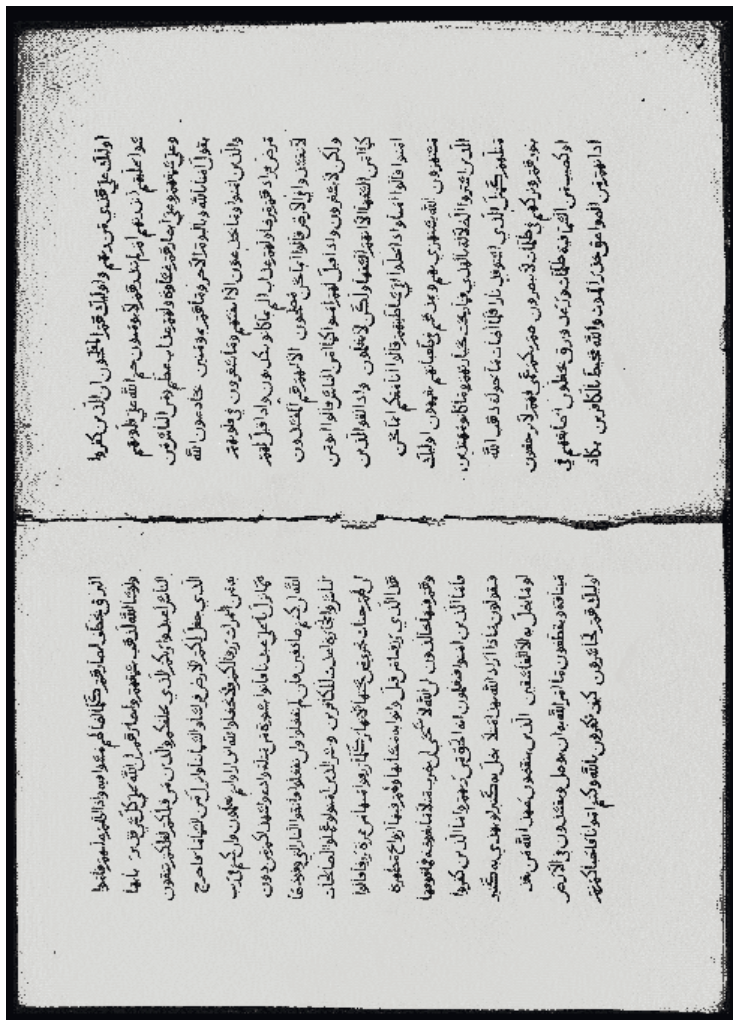

Рис. 2.1. Лист из считающегося полностью уничтоженным издания Корана Паганини Бриксенсиса (Paganiini Brixienensis, Paganiino de Bresla, Venetia, 1530).

اولا على حقهم من نعم واولا حقهم بالخير ان الذين كفروا
 عدا عليهم ان نعم الله عليهم لا يحصى فمن الله على طوبى لهم
 وعلى حقهم وعلى ما هم فيه وما كانوا يحاسبون الله
 بهول انما الله بالغ امره وما هو ممنوع مما يحسدون الله
 والذين امنوا وما عملوا من الاحسان وما يخفون في بيوتهم
 ترضوا ولا يفتخروا ولا يفتخروا بالمال كانوا يحسدون الله
 لا يخفون ولا يفتخرون ولا يفتخرون الايمانهم لا يخفون
 ولكن لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون واولا حقهم
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون

الذين كفروا وما عملوا من الاحسان وما يخفون في بيوتهم
 ترضوا ولا يفتخروا ولا يفتخروا بالمال كانوا يحسدون الله
 لا يخفون ولا يفتخرون ولا يفتخرون الايمانهم لا يخفون
 ولكن لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون واولا حقهم
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون
 انما الله لا يخفون واولا حقهم انما الله لا يخفون

Рис. 2.2. Лист из считающегося полностью уничтоженным издания Корана Паганини Бриксенсиса (Paganini Brixienensis, Paganino de Bresla, Венедия, 1530).

MACHVMETIS

SARRACENORVM PRINCIPIS VITA AC DO-
ctrina omnis, quæ & Ismahelitarum lex, &c

ALCORANVM

dicatur, ex Arabica lingua ante CCCC annos in Latinam translata, nuncq; demum ad gloriam Domini IESV, & ad Christianæ fidei confirmationem, doctorum ac piorum aliquot uirprum, nostræq; adeò religionis orthodoxæ antistitum studio & auctoritate, uelut è tenebris in lucem protracta atq; edita.

Quo uolumine perfecto, pius & studiosus lector fatebitur, librum nullum potuisse uel opportunè uel tempestiuè magis edi hoc rerum Christianarum & Turcicarum itatu.

Adiectæ quoq; sunt Annotationes, Confutationes, Sarracenorum ac rerum Turcicarum à DCCCC annis ad nostra usq; tempora memorabilium historia, ex probatissimis autoribus tum Arabibus, tum Latinis & Græcis, quorum Catalogum uersa in singulis Tomis pagina prima reperies.

I T E M,

PHILIPPI MELANCHTHONIS, uiri doctissimi, præmonitio ad Lectorem, cum primis pia & erudita.

THEODORI BIBLIANDRI, sacrarum literarum in Ecclesia Tigurina professoris, uiri doctissimi, pro Alcorani editione Apologia, multa eruditione & pietate referta, lectuq; dignissima: quippe in qua multis ac ualidis, argumentis & uisitigatorum calumnijs respondetur, & quam non solum utilis, sed & necessaria hoc præsertim sæculo sit Alcorani editio, demonstratur.

Cum Cæsareæ Maiestatis gratia & priuilegio ad septennium.

Рис. 3. Титульный лист публикации Теодора Библиандера «Mahumetis Saracenorum principis, eiusque successorum uitae doctrina ac, ipse Alcoran... Haec omnia in unum volumen redacta sunt opera et studio Theodori Bibliandri» (Basel, 1543). Австрийская национальная библиотека, 19.В.40.

к одному из оставшихся в рукописи сочинений, в котором он обращается с приветом и пожеланиями мира и благоденствия ко всем христианам, иудеям и мусульманам «во имя Бога, нашего повелителя»⁷. Такие взгляды в ту эпоху были распространены достаточно широко. Если Лютер полагал ислам формой иудаизма, то Эразм Роттердамский (1469—1536) и Гийём Постель (1510—1581) считали мусульман полухристианами.

Бухман не знал арабского языка в степени, достаточной для исправления толедского перевода, но к своей задаче он подошел в высшей степени основательно. Бухман имел в своем распоряжении несколько рукописей Корана, в том числе одну, в которой на полях были отмечены *ал-кира'ат* («чтения») (последняя сохранилась в Университетской библиотеке Базеля) и добавил несколько своих примечаний к переводу.

Таким образом, первые печатные издания арабского текста и перевода Корана в Европе появились соответственно спустя лишь четырнадцать и двадцать семь лет после первого печатного издания греческого текста Нового Завета, осуществленного в 1516 г. в том же Базеле Эразмом Роттердамским.

В Европе существовала и традиция мусульманских переводов. Сохранились рукописные фрагменты перевода текста Корана на мусульмано-испанский (алхамиадо), датируемые XVI в., белорусско-польские переводы в арабской графике, выполненные в татарской среде в XV—XVII вв. (см. ниже). Возможно, подобные переводы делались и на Сицилии.

Всего через четыре года после появления Базельского издания в Венеции выходит анонимная итальянская версия книги, переведенная, согласно титулу, «прямо с арабского», но в действительности повторяющая издание Библиандера. Публикацию книги осуществил знаменитый издатель-гуманист Андреа Арривабена. Однако в 1554 г. Венецианская инквизиция запрещает чтение Корана, что самым фатальным образом сказалось на судьбе книги. В первой половине XVII в. публикуются немецкая (переведенная с итальянского С. Швейггером (1551—1622)) и голландская, принадлежащая анонимному автору, версии книги. Последняя была дважды

⁷ G. Bergmann. *Die Herausforderung des Islam* (Stuttgart, 1980), с. 29—30.

переиздана в 1659 и 1664 гг., когда, несмотря на поражение турок при Сент-Готгарде, страх османской экспансии был резко усилен апокалиптическими настроениями, связанными с приближением «дьявольского» 1666 г. Появлялись все новые издания и латинского оригинала, и переводов.

В течение долгих лет идеологическая жизнь Европы была окрашена в цвета внутреннего конфликта между католицизмом и Реформацией. Каждая из сторон стремилась доказать свое «правовереие», и во взаимной полемике против «турко-папизма» или «кальвино-туркизма» часто звучали обвинения в «похожести на ислам». 15 апреля 1521 г. Сорбонна осудила девяносто пять тезисов Лютера, назвав их сочинением «более порочным, чем Коран». Для протестантских оппонентов Мухаммад и Папа были «двумя головами Антихриста»⁸. Обратной стороной взаимной нетерпимости стал рост антиисламской пропаганды.

В условиях феодально-католической контрреформации, все более охватывавшей Италию в 1557 г., папской курией был опубликован «Индекс запрещенных книг», куда попал не только Коран, но и крупнейшие произведения писателей Возрождения. Впрочем, боязнь роста и распространения ересей приводила к неоднократным запретам (четырежды лишь в XIII в.) и на чтение Библии на народных языках. Если вспомнить о «культе» Мухаммада у тамплиеров и интересе к культурным достижениям исламского мира у деятелей Возрождения, о еретическом движении унитариян, отрицавшем Троицу, опасения Священного престола становятся понятными.

Закономерно, что следующий шаг в изучении и переводе Корана был сделан в могущественной и терпимой по отношению к гугенотам Франции XVII в., где творили выступавший против средневековой схоластики Гассенди (1592–1655) и основатель рационализма Декарт (1596–1650), где в трагедии Корнеля (1606–1684) потрясал публику герой войн с маврами Сид. В 1647 г. в Париже был опубликован французский перевод Корана, выполненный дипломатом и востоковедом Андрэ дю Риэ (1580 ? – 1669 ?). Хотя этот перевод уже в момент своего появления не вполне удовлетворял

⁸ Н. Bobzin. “Martin Luthers Beitrag zur Kenntnis und Kritik des Islam”, *Neue Zeitschrift für Systematische Theologie und Religionswissenschaft* XXVII (1985), с. 283–289.

принятым научным требованиям и допускал небольшие перестановки, сокращения, вольности при передаче текста, а текстологический анализ показывает связь работы дю Риэ с текстом, изданным Библиандером, он вызвал живейший интерес. За короткий срок труд дю Риэ выдержал по меньшей мере пять переизданий в Париже и Амстердаме и впоследствии был переведен в Англии (1688), Голландии (1698), несколько позднее в Германии и, наконец, в России (1716). Ответом Ватикана было принятие при папе Александре VII (1655–1667) собором римских цензоров официального запрета на издание и перевод Корана.

Однако к моменту появления в 1694 г. арабского текста сочинения «лжепророка Магомета», опубликованного протестантским теологом и ориенталистом Абрахамом Хинкельманом, в Ватикане была наконец осознана бесперспективность запрета, отдававшего протестантам приоритет в антиисламской пропаганде.

В 1698 г. в Падуе духовник папы Иннокентия XI Людовико Мараччи (1612–1700) опубликовал латинский перевод (рис. 4) и основанный на сличении нескольких рукописей арабский текст Корана (за арабским текстом, произвольно разделенным на небольшие фрагменты, следовал перевод, снабженный комментариями, с привлечением отрывков арабских *тафсиров*, так же в оригинале и с латинским переводом, затем следовало опровержение). Уровень перевода был несравненно выше прежних, но форма препятствовала его распространению. Не случайно появление перевода такого уровня именно в Италии — стране, долгое время имевшей наиболее развитые торговые и культурные контакты с мусульманским Востоком. Здесь существовали богатые библиотеки, имелась соответствующая научная традиция, которая сдерживалась лишь идеологическими запретами. С появлением издания Мараччи казалось, что Священный престол сумел восстановить свое первенство в изучении и опровержении ислама. Однако немецкий протестант Кристиан Рейнесснус (1668–1752), выпустив в свет удобное издание, включавшее лишь текст перевода Мараччи, и снабдив его своим удачным предисловием, вновь вернул инициативу в руки протестантских ученых. За трудом Мараччи последовала целая серия новых переводов Корана на европейские языки.

سورة البقرة محكمة مائة وستة وتسعون آية

S U R A II.
V A C C A.

MECCANA COMMATUM CCLXXXVI.

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

1 اَللّٰهُمَّ ذٰلِكَ الصّٰبِ لَزِمْتُ فِيْهِ هٰذِي الْبَيْتَيْنِ 2 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 3 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 4 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 5 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 6 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 7 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 8 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 9 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 10 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 11 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 12 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 13 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 14 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 15 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 16 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 17 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 18 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 19 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 20 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 21 وَ اَللّٰهُنَّ يَوْمَئِذٍ يَّعْلَمُوْنَ 22

Рис. 4. Страницы из латинского перевода Корана Людовико Мараччи «Alcorani textus universus ... ex arabico idiomate in latinum translatus ... auctore Ludovico Maraccio» (Patavii, 1698) Австрийская национальная библиотека, 14.L.36. С любезного разрешения библиотеки.

Refutationes in Suram II. Alcorani. 9

24 يا لها الشمس انصتوا ربي الذي خلقكم والذين من قبلكم لعلكم تتقون ﴿٢٤﴾ الذي
 خلقكم الارض والسماء بيده وانزل من السماء ماء فلينحج به من الثمرات رزقا لعلكم فلا
 تجعلوا لله أندادا وتكفون ﴿٢٥﴾ 25 وان كنتم في ريب مما نزلنا على عبدنا قلنا يسرور من
 خلقه ولقد علمنا انكم من ثوبي الله ان كنتم مسلمين ﴿٢٦﴾ 26 فلن نزلنا وان نزلنا قلنا
 انزل آتينا ونزلها الناس والحجره لتنت الحاسرين ﴿٢٧﴾ 27 ويتر الذين آمنوا وعملوا الصالحات
 ان لهم جنات تجري من تحتها الانهار كلما رزقا منها من ثمرة رزقا قالوا هذا الذي رزقنا من قبل
 واننا به مستخلفون ولهم فيها أزواج مطهرة وهم فيها خالدون ﴿٢٨﴾ 28 ان الله لا يستحي ان يصرف
 مثلا ما صرفه مما فرغوا وابد الذين آمنوا يعملون له الذي من ربهم وله الذين كفروا يفتاؤون ماذا
 اراد الله بهذا مثلا جعل به مستخيرا وهدي به مستخيرا وما يصل به الا اللبائس ﴿٢٩﴾
 29 الذين يفترون عهد الله من بعد ميثاقه ويضعون ما نزل الله به ان يوصل ويتبعون
 في الارض لولاك هم الحاسرون ﴿٣٠﴾ 30 كيف تكفرون بالله وكنتم لو انتم تعلمون ان
 تم بحسنكم ثم انه يرحمكم ﴿٣١﴾ 31 هو الذي حاق لكم ما في الارض جميعا ثم انزل الي السمة
 فصرهت مع سواب وهو يصل شي عليهم

In Nomine Dei Misericordis Misericordis.

1. **A.** L. M. 2. Iste Liber, non est dubium de eo, *quin sit à Deo*: difficiunt orationem (*idest observant tempora eius*) & ex eo quod in sustentaculum præbimus illis, erogant *in elemosynam*. 4. Et qui credunt in id, quod demissum est ad te (*idest Alcoranum*), & in id, quod demissum fuit ante te (*idest Pentateuchum, Psalterium, & Evangelium*) & in novissimum sæculum ipsi firmiter credunt. 5. Hi erunt super directionem (*idest dirigentur*) à Domino suo; & hi erunt felices. 6. Porro qui infideles sunt, equale erit super eos (*idest unum atque idem erit illis*) sive prædicaveris eis, sive non prædicaveris eis: non credent. 7. Sigillum impressit Deus super corda eorum, & super auditum eorum: & super aspectus eorum est cooperimentum: & ipsis erit poena magna. 8. Et ex hominibus aliquis dicit: Credidimus in Deum, & in diem novissimum: & non ipsi cum creditibus (*idest & tamen non credunt*).
9. Deceptorie agunt, cum Deo, & cum iis qui crediderunt, & non decipiunt nisi animas suas, & non sentiunt hoc. 10. In cordibus eorum est morbus: auxitque illis Deus morbum: & ipsis erit poena discretians pro eo quod mentiti sunt. 11. Et cum dictum fuerit eis: Ne corrumptis in terra; respondebunt: Certè quod nos sumus redintegrantes. 12. An non certè ipsi sunt corruptores? Verumtamen non sentiunt se esse tales. 13. Et cum dictum fuerit eis: Credite, sicut crediderunt homines: respon-

6.3. Эпоха Просвещения

Эпоха Просвещения с ее острым интересом к экзотике, огромным успехом Антуана Галляна (1646—1715) — первого переводчика сказок «Тысячи и одной ночи», походом Наполеона в Египет и резкими выступлениями против религиозной нетерпимости ознаменовалась новым ростом интереса к мусульманской культуре. Вольтер пишет знаменитую трагедию «Фанатизм, или Пророк Магомет», где, говоря о Мекке, имеет в виду Рим. Несмотря на это, пьеса получила благословение папы Бенедикта XIV, а впоследствии заслужила и хвалебный отзыв Наполеона, упрекавшего, впрочем, автора за то, что тот «проституировал великий характер Магомета в низких интригах»⁹. Гете создает «Западно-восточный диван» и под влиянием «Жизни Магомета» Ж. Ганье (1732) задумывает драму, где основатель ислама выступает уже как философ-пантеист.

Еще в январе 1814 г. Гете стал свидетелем молитвы башкир-мусульман, служивших в русской армии. Местом молитвы стала протестантская гимназия в Веймаре: «Говоря о пророчествах, должен тебе сказать, — писал Гете своему другу Фридриху Вильгельму Генриху фон Требру, — что сегодня происходят такие вещи, которые ранее пророкам не разрешили бы даже и произнести. Кто бы позволил еще несколько лет назад высказать предположение, что в нашей протестантской гимназии может проводиться магометанское священное богослужение и будут читаться суры из Корана. И все же это произошло, и мы присутствовали на богослужении у башкир, видели их *муллу* и приветствовали их князя в театре. Из особого расположения ко мне на вечную память мне были подарены лук и стрелы, которые я повесил над своим камином. А некоторые из наших особо религиозных дам даже заказали в библиотеке перевод Корана»¹⁰.

Чтобы иметь возможность в подлиннике прочесть и даже попытаться перевести Коран, Гете начинает брать уроки арабского

⁹ N. Daniel. *Islam, Europe and Empire* (Edinburgh, 1966), с. 299.

¹⁰ И. В. Гете. *Западно-восточный диван*. Изд. подготовили И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. Перевод В. В. Левика (Москва, 1988), с. 732.

языка у молодого профессора Иенского университета И. Г. Л. Козегартена (1792–1860), впоследствии сыгравшего известную роль в развитии отечественной науки о Востоке и в 1839 г. избранного членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Осенью 1813 г. Гете получил в подарок арабскую рукопись, содержащую последнюю *суру* Корана, и пытался переписать и перевести ее. До нас дошел Гетевский перевод лишь первой *суры* и отдельных *айатов* еще нескольких *сур*.

«Все содержание Корана — пишет Гете, — заключено в начале второй суры, что звучит так: “Эта книга не ведает сомнений. Это наставление благочестивых, полагающих истинными тайны веры, соблюдающих часы молебствий и подающих милостыню из того, что дано им нами; они веруют в откровение, какое было ниспослано пророкам до тебя, и владеют обетованиями грядущей жизни; ими руководит Господь, и они будут счастливы и блаженны. Что до неверных, тем безразлично, будешь ли ты усовершенствовать их или не будешь; все равно они не уверуют. Бог запечатал сердца их и уши. Мрак покрывает лицо их, тяжкая кара постигнет их”. И о том твердит Коран сура за сурой»¹¹.

Закономерно, что именно в Англии, бывшей инициатором просветительского движения, адвокат Дж. Сэйл (1697–1736) публикует английский перевод Корана, основанный главным образом на комментариях ал-Байдави, ас-Суйути, аз-Замахшари и других авторов. Этот перевод и «Предварительные замечания» к нему на долгие годы определили уровень изучения и понимания Корана в Европе. Он был переведен на немецкий (1746), французский (1770) и русский (1792) языки. В «Предварительных замечаниях» Дж. Сэйл на основании доступных в то время материалов пытался описать феномен ислама, возникшего в языческой Аравии, которая испытывала значительные религиозные влияния извне. Именно с помощью трудов Дж. Сэйла с Кораном знакомился Вольтер.

¹¹ Там же, с. 164–165.

6.4. Романтики и колониальная экспансия

Ослабление Порты привело к постепенному отходу от идентификации ислама с империей Османов. Poleмические элементы в сочинениях европейских авторов все более стали уступать собственным научным представлениям об исламе. Ставший безопасным интерес к исламу нашел своеобразное отражение в появлении сочинений, в которых критика тех или иных явлений в религиозно-философской или культурной жизни Европы давалась с «точки зрения турка» или «устаи перса» (например, «Персидские письма» Монтескье (1689–1755), увидевшие свет в 1721 г.) (рис. 5). В это время в Европе публикуются и апологетические в отношении ислама сочинения, направленные против официального католицизма. Ислам рассматривался как самая рациональная из религий, в наибольшей степени соответствовавшая деизму идеологов Просвещения. В публицистических работах другого ряда критики ислама часто продолжали метить в католицизм.

В основе появившихся светских переводов Корана лежало уже желание не столько опровергнуть, сколько понять ислам, страх перед которым в передовой Европе исчез. Появляется перевод Корана в «романтическом духе», сделанный в 1783 г. К. Савари (1750–1788).

Представители романтизма, стремясь освободиться от духа «Энциклопедии», обратились к древности, библейской истории, крестовым походам, Востоку. В русле новых тенденций было создано произведение Ф. Р. Шатобриана «Путешествие из Парижа в Иерусалим» (1811 г.), где восхищение перед достижениями мусульманского средневековья совмещается с резко враждебным отношением к мусульманскому миру. Все более укрепляется представление о самодостаточности европейской культуры. В политическом плане это было связано с идеологией французской Реставрации. Появление идеологии колониализма находит свою параллель в востоковедении, где все более укреплялась тенденция европоцентризма. Французский перевод Корана, выполненный А. Б. Казимирским (1808–1887), был создан в эпоху, когда экспансия Франции в Алжире потребовала более точной

Рис. 5. Образ Мухаммада на гравюре Эрландуса Дриселиуса в книге «Luna Turcica, eller, Turkeske måne...» (Jönköping, 1694, с. 5) напоминает и библейских персонажей Рембрандта, и европейского вельможу той поры.

информации об исламе. Этот перевод стал выдающимся достижением французской арабистики. Популярный четырехтомный комментарий к Корану Э. Уэрри (Лондон, 1882–1886) отражал соответствующую индийскую традицию, наиболее важную в свете колониальных интересов Британской короны. В этот же ряд нужно поместить русские переводы Д. Н. Богуславского и Г. С. Саблукова (см. ниже).

В начале XIX в. благодаря Сильвестру де Саси (1758–1838), автору знаменитых «Грамматики» и «Хрестоматии», центром арабистики и исламоведения в Европе продолжала оставаться парижская Школа живых восточных языков, куда приезжали учиться почти все выдающиеся исламоведы XIX в. Однако методологические взгляды исследователей Корана того времени формировались главным образом под влиянием достижений знаменитой протестантской школы библеистики, возникшей в Германии. Если раньше в Коране отказывались видеть «слово Божие», то теперь для его изучения стали применять методики, принятые прежде только для ветхо- и новозаветных текстов. Это важнейшее достижение имело и обратную сторону: Коран стали рассматривать как *chose en soi*, вне связи с породившим его обществом и культурной средой. В то же время пробивавшее себе дорогу понимание единства культурного процесса привело к другой крайности — абсолютизации взаимовлияний. Тогда под воздействием идей культурного компаративизма Ветхий завет, а за ним и Коран были признаны «плодом сплошного подражания и заимствований из окружающих культур и литератур»¹². Возникавшие в русле культурного компаративизма работы А. Гейгера, К. Герока, труды Г. Вайля, Т. Нельдеке, Х. Хиршфельда, Й. Барта, а затем и серия работ Й. Хоровица и его учеников ознаменовали начало этапа критического изучения Корана и надолго сформировали главное направление коранических исследований. При этом религиозно-

¹² В. К. Афанасьева, И. М. Дьяконов, И. П. Вейнберг, «Культура Передней Азии в первой половине I тысячелетия до н. э.», *История древнего мира*, ред. И. М. Дьяконов, В. Д. Неронова, И. С. Свенцицкая. Т. ii: *Расцвет древних обществ* (Москва, 1982), с. 122.

философские убеждения европейских исследователей продолжали находить свое отражение в негативной заданности изучения Священной книги ислама.

Становление во второй половине XVIII в. в Германии задач и методов классической филологии, оказавших огромное влияние на все отрасли филологической науки, и успехи немецкой библеистики, обусловили сложившийся к XIX в. приоритет немецких ученых в исследовании Корана. Густавом Флюгелем был опубликован сначала заново выверенный текст Корана (1834), а потом и конкорданс к нему (1842) — работы, которые не потеряли своего значения до середины XX в. Ряд изданий текста (1837, 1855, 1867) вышел под редакцией Г. Редслоба, продолжившего труд Г. Флюгеля.

6.5. XX век

В последние десятилетия XIX в. во Франции, Бельгии и России набирал силу символизм. Его стремление к новаторству, поиск новых тем, внеевропейская открытость привели к новому этапу освоения Востока европейской культурой. Для творчества целого ряда видных поэтов-символистов путь поиска духовных основ вел в первую очередь на Восток. К их числу принадлежал, например, Райнер Мария Рильке (1875—1926), один из самых известных европейских поэтов XX в.

Знакомством поэта с исламом навеяны его знаменитые «Дуинские элегии». Накануне Первой мировой войны, чтобы открыть для себя «континент ислама», Рильке совершает путешествия по Северной Африке и Испании: «Я читаю Коран, у меня местами перехватывает от него дух, я погружаюсь в него всеми моими силами, как ветер в органе <...> Мухаммед — это Ближайший; он провалился к Единому Богу, как поток через первозданные горы», — писал Рильке своему другу и покровительнице Марии фон Турнунд-Таксис Гогенлоэ¹³. Близкое настроение звучит и в его хорошо известном стихотворении «Призвание Магомета»:

¹³ R. M. Rilke. *Brief an Fürstin Marie von Thurn und Taxis* (Ronda, 17.12.1912).

Когда к нему в тайник вошел высокий
и чистый ангел, весь светясь огнем,
он распознал его в мгновение ока
и попросил его лишь об одном —

о позволении не покинуть крова
ему, смущенному душой купцу.
Он жизни не читал — и мудрецу
не слишком тяжело ли *это* слово?

Но тот с упорством, бьющим через край,
велел его исполнить приказанье,
не уступал и требовал: *читай!*

Он прочитал. И ангел ниц упал.
И стал он тем, кто *прочитал* писанье,
и подчинялся, и осуществлял¹⁴.

По поводу этого стихотворения А. И. Неусыхин (1898–1969), известный советский историк-медиевист и прекрасный знаток творчества Рильке, отмечал: «Стихотворение в гетевской традиции вслед за стихотворением в духе традиции Дюрера — не эклектика, а утверждение самого великого и прогрессивного в немецкой культуре: этот ряд как бы заранее моделирует будущий поворот к активному действию с конца 20-х и особенно в 30-х годах у Томаса Манна и у других немецких прогрессивных писателей»¹⁵.

В Германии, стремившейся к переделу мира, проводившей активную колониальную политику и пытавшейся разыграть «исламскую карту», активно развивалось и практическое, и академическое направление востоковедения. Здесь работал Т. Нельдеке и плеяда его учеников, вклад которых в изучение Корана трудно переоценить.

Достижения коранистики XIX в., появление множества переводов и исследований постепенно сделали Коран естественной частью европейской философской и научной мысли. Так, Освальд Шпен-

¹⁴ Р. М. Рильке. Призвание Магомета (1908). Перевод К. Богатырева.

¹⁵ Р. М. Рильке. *Новые стихотворения. Вторая часть*. Издание подготовили К. П. Богатырев, Г. И. Ратгауз, Н. И. Балашов (Москва, 1977).

глер (1880—1936) в своем знаменитом «Закате Европы», опубликованном сразу после Первой мировой войны, в главе, посвященной магической культуре, пишет о Коране как о прототипе магической книги, опираясь при этом в первую очередь на достижения немецких ориенталистов.

В 1927 г. Г. Бергштрессер и А. Джеффери совместно разработали план критического издания текста Корана, ибо издание текста Корана, осуществленное Г. Флюгелем, выявило всю сложность текстологических проблем.

План критического издания, совместно разработанный Г. Бергштрессером и А. Джеффери в 1927 г., включал в себя извлечение из разнообразных источников коранических вариантов, поиски и публикацию рукописей основных сочинений мусульманских авторов, посвященных проблемам коранических чтений (*ал-кира'ат*), создание фотоархива старейших списков Корана и их изучение. Предполагалось взять за основу текст в редакции Хафса (который послужил «базой» египетского издания), но публиковать его с учетом особенностей *садж'а* (рифмованной прозы). Нумерацию *айатов* планировалось дать как в соответствии с мусульманской традицией, так и по Г. Флюгелю. Текст должен был содержать паузальные знаки, а на полях — ссылки на «параллельные места».

В нижней части страницы предполагалось разместить критический аппарат — ссылки на сотни вариантов текста с указанием их принадлежности к источникам трех типов: более раннему, чем традиция «семи чтений», принадлежащему к этой традиции или более позднему, — а также с указанием на школу (или школы), к которой принадлежит то или иное чтение.

Отдельным томом предполагалось выпустить «Введение», которое бы пришло на смену «Истории Корана» Т. Нельдеке, Ф. Швалли, Г. Бергштрессера, О. Претцля. Третий том составил бы развернутый комментарий к критическому аппарату. Авторы проекта осознавали невозможность учесть все существующие варианты, однако они предполагали обработать главные источники по проблеме. В четвертый том предполагалось включить словарь к Корану. Хотя был проделан огромный объем подготовительной работы, довести ее до конца по ряду причин так и не удалось.

Проблема критического издания еще более обострилась с кризисом методологии исламоведения, связанной с гиперкритическим подходом к мусульманскому преданию в работах ряда ученых и прежде всего, И. Гольдциера. Такой подход, в целом обусловленный ростом влияния позитивизма на методологию общественных наук, явился реакцией на работы Р. Дози и его школы, созданные на основе некритического истолкования данных мусульманской традиции. И. Гольдциер и его последователи убедительно показали, что возникновение большей части корпуса мусульманских преданий относится к эпохе, значительно отстоящей от времени Пророка. Они установили тенденциозность мусульманского предания, неразрывно связанного с религиозно-политической борьбой в Халифате, несомненное влияние этих тенденций на исламскую экзегетику. Это поставило под сомнение как авторитетность *тафсиров* для адекватного истолкования Корана, так и мусульманскую традицию, повествующую о сложении текста. Сильвестр де Саси, Г. Вейль, Х. Хиршфельд поставили под вопрос аутентичность отдельных *айатов*, а Поль Казанова — достоверность памятника в целом. Была осознана необходимость проведения коранических исследований, независимых от исламской традиции. Именно такой подход лежал в основе работ Ричарда Белла (1876—1952), работавшего на фоне торжества идей германской библеистики, в первую очередь *tendenzkritik* Ю. Веллаузуена.

Стимулом к новому изучению структуры и хронологии коранического текста стала для Р. Белла работа над монографией «Возникновение ислама в его христианском окружении». Р. Белл впервые посмотрел на композицию Корана в связи с реальной проповеднической деятельностью Мухаммада. Каждая *сура*, по его мнению, — это соединение коротких откровений Мухаммада, осуществленное либо им самим, либо позднее при «собрании» Корана. Такой подход позволил Р. Беллу по-новому поставить проблему хронологии произнесения уже не отдельных *сур*, а их фрагментов. Результаты своих исследований Р. Белл суммировал в опубликованном им двухтомном переводе Корана «с критическим пересмотром расположения *сур*»¹⁶.

¹⁶ R. Bell, *The Qur'an*, translated with a critical rearrangement of the Surahs (Edinburgh, 1939), i-ii. Комментарий Р. Белла был опубликован спустя почти сорок лет после его смерти. См.: R. Bell, *A Commentary to the Qur'an* (Manchester, 1991), i-ii.

Хотя на протяжении долгого времени многие его выводы не встречали научной поддержки, а в мусульманской среде самый подход вызвал резкое неприятие, с позиций современности вклад Р. Белла в изучение Корана трудно переоценить.

Переводы Корана, сделанные до Белла, по большей части восходили к мусульманской традиции и воспроизводили поэтому понимание Корана, характерное для эпохи и социально-культурного окружения того или иного мусульманского экзегета или группы авторов. Р. Белл, И. Ю. Крачковский (1883–1951) (см. ниже), Р. Бляшер (1900–1973) и Р. Парет (1904–1983) в разных странах, но практически одновременно приступили к осуществлению перевода Корана на основании оригинальных научных разработок.

Публикация «египетского издания», которое было принято повсюду в мусульманском мире, как и практически одновременное издание в Стамбуле турецкого перевода Корана без параллельного арабского текста, означало победу новой тенденции, которая к 1930-м годам снискала полную поддержку ал-Азхара. Один за другим стали выходить в свет переводы Корана на европейские языки, выполненные авторами-мусульманами. Два таких перевода на английский язык, принадлежащие перу М. Пиктхолла и Йусуфа 'Али, снискали большую популярность и многократно переиздавались.

Коранические исследования и переводы Корана после Второй мировой войны во все большей степени связаны с пониманием двух основополагающих моментов: стремлением объяснять Коран посредством самого Корана и осознанием важности привлечения к анализу коранического текста доисламских и современных памятнику языковых материалов. Здесь наиболее заметные достижения принадлежат Р. Бляшеру и Р. Парету, каждый из которых выпустил перевод Корана. Перевод Р. Парета, основанный на сравнительном изучении внутрикоранического словоупотребления, является сегодня одним из наиболее надежных. Результаты анализа текста обобщены им в работе «Коран: комментарий и конкорданс». Перевод Р. Бляшера (1949–1950) основан на предварительном изучении и широком привлечении для разъяснения «темных мест» произведений доисламской аравийской поэзии. Среди английских переводов наибольшей известностью пользуется работа А. Арберри.

Указатель к нему сделан Х. Кассисом, а краткий комментарий написан У. Монтгомери Уоттом, также занимающим одно из ведущих мест среди исследователей ислама, работавших в середине XX в. Его перу принадлежит наиболее авторитетная двухтомная монография о Мухаммаде и серия работ по истории ислама и коранистике.

Процесс становления национального и историко-культурного самосознания в странах традиционного распространения ислама, сопровождавший освобождение от колониальной зависимости, возрастание роли ислама в политико-идеологической борьбе привели к взрывообразному росту числа мусульманских публикаций по коранистике, выходящих не только на восточных, но и на европейских языках. Их авторы касаются традиционных для мусульманской науки тем, откликаются на важнейшие работы европейских ученых. Большое число работ, посвященных анализу различных коранических сюжетов, создается с целью обоснования современных мусульманских социально-экономических и политических теорий в русле разработки так называемой коранической философии. Задачи христианско-мусульманского диалога привели, особенно после Второго Ватиканского собора (1962–1965), к появлению множества работ как европейских, так и мусульманских авторов, в большинстве своем посвященных сравнительному анализу библейских и коранических легенд и установлений. Об интересе англиканской церкви к исламу и Корану можно судить по публикациям епископа этой церкви К. Крэгга.

В этом отношении интересен факт совместного перевода, принятого с целью улучшения отношений между европейской общиной и мусульманским населением Северной Африки христианином О. Песлем и мусульманином А. Тиджани. Здесь этот перевод переиздавался несколько раз и остается популярным до сих пор.

Таким образом, мусульманская традиция изучения Корана, по существу и не прерывавшаяся в Европе, получает сегодня новое развитие. Наиболее интересным представителем нового поколения мусульманских ученых является Мухаммад Аркун, работы которого выполнены на уровне последних достижений западной герменевтики с учетом достоинств и недостатков европейской коранистики. Рассматривая Коран в контексте современных историко-

культурных и политико-идеологических проблем, он пытается выработать новую методiku его понимания, сопоставляя подходы европейских исследователей с методами традиционной экзегетики.

В докладе на международном конгрессе по изучению Корана, посвященном началу XV в. хиджры (Канберра, 1980), Уильям Грэм вслед за У. М. Уоттом вновь заговорил о тенденции в коранических исследованиях, которая, по его мнению, будет все более набирать силу. Ссылаясь на слова Бориса Пастернака о том, что только в бездарных книгах люди делятся на два лагеря так, что их друг с другом ничего не связывает, — в реальной жизни взаимосвязано все, У. Грэм отмечает, что все большее число специалистов, принадлежащих как к западной, так и к мусульманской научной традиции, пытаются преодолеть ограничения «мусульманского авторитарного традиционализма» и «рационализма западного Просвещения». У. Грэм предлагает обозначить этот новый подход к Корану термином *humane scholarship*. В его основе лежит, во-первых, сознательное подчинение исследователем своих выводов обоснованной критике со стороны научного сообщества, не только не связанного ограничениями какой-то одной культурной или религиозной традиции, но обогащенного пониманием их изначального многообразия. Во-вторых, необходимо ясно осознавать ограниченность каждого отдельного подхода и тех задач, которые ставит перед собой исследователь. Наконец, в-третьих, хотя в основе этого подхода лежит анализ явлений, принципиально постижимых разумом, его сторонники избегают одностороннего взгляда на природу бытия и его конечную постижимость. По словам У. Грэма, мусульманские мыслители средневековья иногда понимали это лучше, чем многие современные исследователи как на Востоке, так и на Западе. Он приводит слова из 'акиды ал-Кушайри: «Рукопись [Корана] сотворена во всех ее составляющих. Совершенно необязательно, чтобы она была вечной исходя из того что она содержит запись слов Бога, так же как сотворена и мечеть, и незачем считать ее вечной исходя из того что в ней служат Богу»¹⁷.

¹⁷ W. A. Graham. "Those who Study and Teach the Qur'an", *International Congress for the Study of the Qur'an. Australian National University, Canberra 8–13 May 1980. Series 1* (Canberra, 1980), с. 9–28.

Годы, прошедшие после выступления У. Грэма на этой конференции, ознаменовались драматическим ростом влияния фундаментализма в мусульманском мире и острой реакцией на эти события на Западе. Это неизбежно привело к росту числа публикаций, написанных в русле узкотенденциозных подходов.

Отражением взаимной нетерпимости и непонимания стала полемика вокруг романа Салмана Рушди «Сатанинские стихи». Скандальный роман, вышедший в свет в 1988 г., вызвал не только самые разнообразные отклики, но и *фатву* Хомейни, в которой, в частности говорилось:

«Я ставлю в известность всех подлинных мусульман, живущих в этом мире, что автор книги, озаглавленной “Сатанинские стихи”, которая была создана, напечатана и распространена с целями, противными исламу, Пророку и Корану, а также все те, кто был причастен к этой публикации, будучи осведомленным о ее содержании, приговариваются к смерти.

Я призываю всех подлинных мусульман немедленно казнить их, где бы они ни были обнаружены, так, чтобы никто более не смел оскорблять мусульманские святыни. Кто бы из мусульман ни погиб на этом пути, да будет он мучеником за веру по велению Аллаха»¹⁸.

Мусульманских читателей особенно возмутили две главы: вторая, основанная на весьма вольном толковании исламского предания и истории о языческих божествах ал-Лат, Манат и ал-‘Узза, значение культа которых в древней Аравии было столь велико, что едва не привело к отступничеству самого Мухаммада, согласившегося было «по наущению сатаны» признать этих божеств (53:19—20), и глава четвертая, где автор осмелился придать осмеянию фигуру некоего фанатичного исламского лидера, находящегося в эмиграции в Лондоне. Многие увидели в этом образе карикатуру на Хомейни.

В мире ежегодно публикуется множество куда более резких антиисламских сочинений, в этом же случае принципиальное значение имел тот факт, что автором романа был мусульманин. Именно это обстоятельство дало повод в соответствии с исламской традицией

¹⁸ Цит. по: I. Hamilton. “The First Life of Salman Rushdie”, *The New Yorker*, (December 25, 1995 / January 1, 1996), с. 113.

обвинить Рушди в публичном вероотступничестве. В то же время часть либерально настроенных мусульман осуждало *фатву* Хомейни, в том числе и как ошибку, давшую врагам ислама во всем мире возможность обрушиться с новыми нападка на религию Пророка.

Западным читателям, привыкшим к куда более острой критике в отношении своих основных сакральных текстов — Ветхого и Нового Заветов, была непонятна жесткость реакции мусульманского сообщества. По их мнению, текст книги не содержал ничего такого, за что человека можно приговорить к смерти. В то же время в самых разных кругах на Западе звучали и слова, осуждавшие Рушди за непочтительное отношение к священным традициям своего народа. Сам Салман Рушди, пытавшийся, по-видимому, снискать славу «мусульманского Вольтера», предпринял попытку вступить в диалог с оппонентами, что, однако, ни к чему ни привело. С одной стороны, он объявлял себя мусульманином, по крайней мере в смысле своей принадлежности к культуре ислама, с другой — говорил о том, что во время создания романа он не осознавал себя мусульманином. В одной из своих полемических статей он писал:

«С моей точки зрения “Сатанинские стихи” — не антирелигиозный роман. Это попытка написать об эмиграции, стрессах и переменах, ею вызываемых, написать с точки зрения эмигрантов из Индии, оказавшихся в Великобритании. Для меня самой горькой иронией является тот факт, что после пяти лет работы во имя того, чтобы дать голос и плоть эмигрантской культуре, частью которой являюсь и я сам, я должен видеть, как мою книгу сжигают, по большей части не читая, как раз те самые люди, которые должны были бы испытать удовольствие при ее чтении и найти понимание на ее страницах. Я пытался писать против стереотипов; протесты фанатиков лишь подтверждают для западного общественного сознания самые худшие стереотипы, связываемые с миром ислама»¹⁹.

Фатва Хомейни, подтверждавшаяся до 1998 г. его преемниками, резко изменила жизнь автора «Сатанинских стихов». Долгое время он вынужден был скрываться, находясь под охраной

¹⁹ S. Rushdie. “The Book Burning”, *The New York Review of Books* (March 2, 1989), с. 26.

британской полиции. Лишь в последнее время ситуация несколько изменилась, и Салман Рушди стал появляться на публике.

Если вновь обратиться к собственно научным работам, то с полным основанием можно констатировать, что продолжаются и исследования в направлении, о котором говорил У. Грэм. Так, попытки объяснять Коран самим Кораном, характерные, например, для Р. Парета, имеют параллель в средневековой мусульманской традиции и рассматриваются сегодня в качестве основного метода коранического истолкования (*ал-Кур'ан йуфассиру ба'духу ба'дан*) одним из наиболее интересных современных *муфассиров* 'Аишей 'Абд ар-Рахман бинт аш-Шати', вдовой и продолжательницей дела Амина ал-Хули (ум. 1967). Последний работал в русле предложенного им метода «литературного подхода к истолкованию Корана» (*ал-минхадж ал-адаби ли-л-тафсир*). Появление на Западе серии работ по проблеме «Коран и исламский ритуал» также неразрывно связано с этими тенденциями. В конечном итоге и несомненно новаторские, вызвавшие серьезную дискуссию работы Дж. Уонсборо, упомянутые выше, также посвящены проблемам христиано-мусульманского взаимодействия. К сожалению, судьбы Салмана Рушди, египетского ученого Насра Абу Зайда, вынужденного эмигрировать из Египта в связи с публикацией своего труда, посвященного исследованию текста Корана, угрозы мусульманина-фанатика в адрес А. Риппина, покушение на Нагиба Махфуза свидетельствуют о развитии противоположных тенденций в мусульманской среде.

В последние годы растет понимание того факта, что самый точный, адекватный на данный момент перевод Корана с максимальной глубиной проникновения в структуру понятийного аппарата предоставит читателю и исследователю лишь один из возможных «Коранов». Коран занимал и занимает такое место в религиозной и социально-политической жизни арабо-мусульманского мира, что его истолкование в различные исторические периоды и в разной социально-культурной среде представляет значительный самостоятельный интерес. Таким образом, переводы, основанные на мусульманской традиции и несущие кроме этого отпечаток личности переводчика и культуры, к которой он принадлежал, заслуживают сегодня самостоятельного изучения.

В настоящее время Коран переведен на большинство языков Европы, Азии, некоторые африканские языки, что связано не столько с развитием коранических исследований, сколько с ростом исламской пропаганды. Особую роль здесь играют сегодня усилия двух направлений мусульманского движения Ахмадийя, а также Центра по переводу Корана в Куме (Иран). Полных и частичных переводов опубликовано уже около двухсот пятидесяти. Многие из них доступны сегодня в сети Интернет.

Подготовленное мусульманскими авторитетами т. н. каирское издание принято сейчас повсеместно как *textus receptus*. Мусульманские страны удерживают и первенство по электронным изданиям текста Корана и указателей к нему.

В современной западной коранистике, «которая развивается под влиянием творчества Джойса и теории деконструкции», отчетливо просматривается характерное для восприятия постмодернистской эпохи стремление «сфокусироваться на читательском опыте, попытаться задать тексту целую серию новых вопросов, приступить к обсуждению таких предметов, как поэтика, риторика и идеология Корана, попытаться поместить его текст в мифологический контекст, характерный для религиозной среды Ближнего Востока»²⁰.

Коран остается привлекательным объектом околонучных мистико-философских спекуляций, по-прежнему модных среди неспециалистов.

В последние десятилетия все большее внимание уделяется обсуждению методологических проблем. Только использование новых подходов позволит получить новые результаты при анализе в целом известного объема базовой информации. А. Риппин работает над введением к научному изучению Корана. Цель работы — дать новую отправную точку будущим исследованиям Корана, так как это сделал в 1860 г. Т. Нельдеке, опубликовавший свою знаменитую «Историю Корана».

²⁰ A. Rippin. “Reading the Qur’an with Richard Bell”, *Journal of American Oriental Society* CXII/4 (1992), с. 646. См., например, упомянутые выше работы Дж. Уонсборо и М. Аркуна.

Вопросы для самоконтроля

Когда был сделан первый перевод Корана на греческий язык?

Что верно?

1. В IX—X вв.
2. В начале XII в.
3. В середине XV в.
4. В первой трети XIX в.

Почему был уничтожен тираж первого европейского издания Корана (Венеция, 1530)?

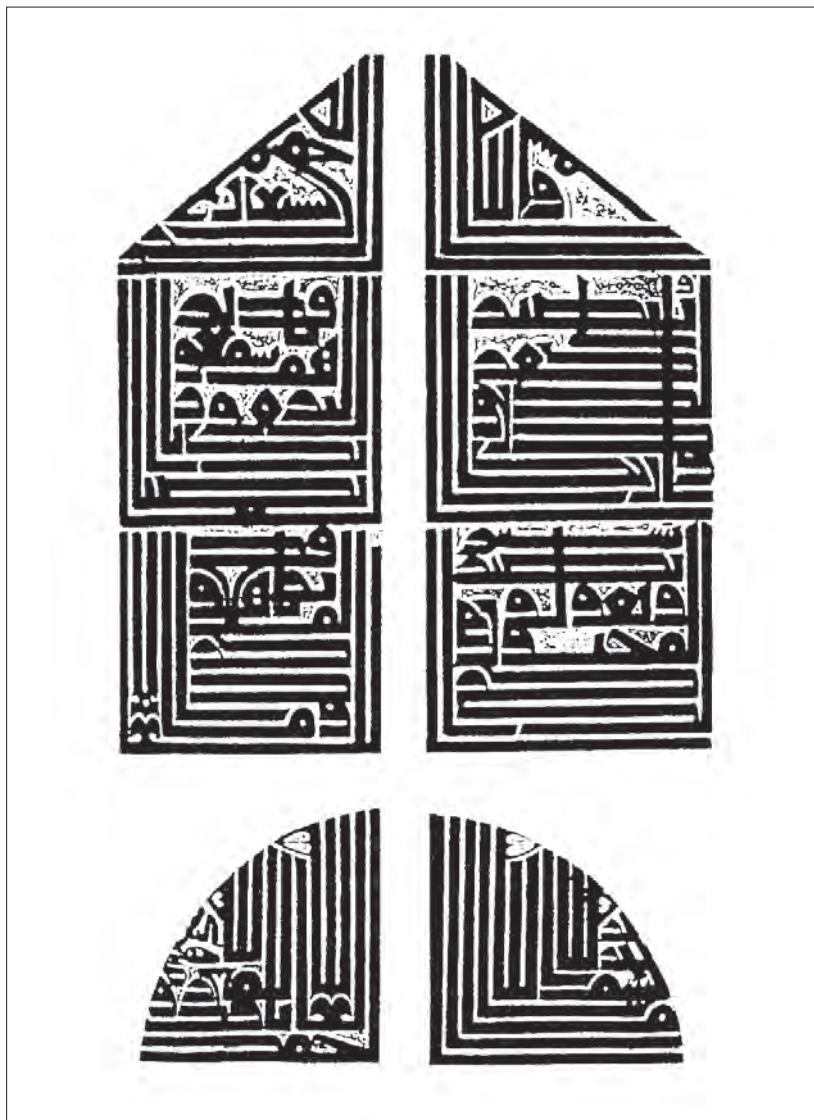
Что верно?

1. Противодействие Папской курии.
2. Отсутствие рынка для распространения в Европе.
3. Громадное количество опечаток.
4. Необычайная дороговизна.

Когда и кем был разработан план критического издания текста Корана?

Что верно?

1. Г. Флюгелем в 1834 г.
2. Г. Редслобом в 1867 г.
3. Г. Бергштрессером и А. Джеффери в 1927 г.
4. Р. Беллом в 1939 г.

*Талисман, представляющий айаты 51 и 52 суры «Калам» (68).
Восходит к индийскому прототипу XVIII в.,
но встречается в мусульманских районах Южной Азии и сегодня.*